

***

Как некстати, поверишь ли, осень у нас холодна!
Всё ужасней обломки — насмешка седого прилива.
И не вычерпать весь океан до туманного дна,
Обнажив расстоянье, что посуху преодолимо.

Чем похвастать? Уловом? Но скуден и жалок улов.
Ни салаки, ни хищных тунцов, ни сельдей, ни макрели.
Нынче волны да ветер играют обрывками слов —
Расплываются строчки, и письма твои отсырели.

Может, вахтенный твой встрепенётся и крикнет: «Земля!..»,
Может, ахнет соседский мальчишка: «Вернулись! Встречайте!» —
Только вряд ли, майн либер, ведь крысы бегут с корабля,
А пустынную пристань лишь я охраняю, да чайки.

Эти чайки простуженным горлом тревожат рассвет —
И рассвет наступает, туманом и плесенью тронут.
О, мы встретимся — там, в том краю, через тысячу лет, —
Где отец мой играет на дудке, а крысы не тонут.

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ

Не возлюбленный, не брат...
Эта песня — Богу в уши,
Среди моря, в центре суши,
В списке маленьких утрат.

Но — с утра до звёздных блох —
То зацепит, то отпустит
Злой репей никчемной грусти,
Маяты чертополох.

Топчет маятник хромой
Час за часом день вчерашний...
Гензель, братик, очень страшно,
Отведи меня домой!

Поздно, Гретель, на пути
Воробьи склевали метки.
Нам не выбраться из клетки,
Перекрёстка не найти.

Ну, тогда останови
Этот маятник проклятый,
Что отстукивает даты
Бесконечной нелюбви!..

Поздно, Гретель, чёрт со мной,
Воробей сидит на ветке
В этой тесной, тёмной клетке,
Узкой, маленькой, грудной.

Гензель, Гензель, погоди!
Месяц спит в сырой рогожке,
Стрелки, камушки и крошки
Больно колются в груди.

Только ветер, снег и град —
Никогда не станет лето.
Не возлюбленный, не брат —
В списке маленьких утрат.
Гензель, Гензель, где ты, где ты!..

*Статуя Иисуса Христа высотой около 2,5 метров
находится на дне моря, в бухте Сан-Фруттуозо
неподалеку от Генуи, на 17-метровой глубине*

Скорлупа, ракушка, кокон...
Одиночек в одиноком чем утешу я?..
Золотых подводных окон свет и чешуя.
В бездне призрачного мира празднично хрупки
Проплывающие мимо райские садки.

Мглы мерцающей, бессонной, — сонной все равно, —
Иисус стопой пронзённой попирает дно.
О, ракушками обросший Образ, тень Отца,
Обещающий: не брошу слабого пловца, —

Ты простёртыми руками ловишь, ловишь нас веками
У самого дна.
Тонет — камень. То не камень —
Раковина.

соскреби накипь вины миллион лет сотри —
вместо сердца у раковины монетка внутри
образок вечности медальон амулет
прошлого человечества след
тычусь в ладонь Твою Боже рыбой в прилив
чешуйкою к лунной коже образок прилип

Боже мой, как долго падать — дольше, чем века, —
В обломках истлевших палуб, в облаках песка,
В стаях рыб, в медузах бледных,
В извести костей скелетных,
В мерзости земной, —
С тем, последним из последних плачущих со мной.

О, ловец подводных лодок, богат ли улов
Тех, кто бескорыстно ловок в сочетаньях слов?
Тех, кто кружит рыбой бедной над манящей
тайной бездной

В гулкой тишине
Или ждёт монеткой медной
В раковине?

***

как просто убежать крысиным лазом
в кретинскую страну нетникогда!
серебряное дерево неясень
серебреник роняет, словно пряник:
подставь свой рот, раскрашенный избранник,
грызи, пока не кончилась еда.

куда же проще — на волне свободы,
в эфире умирающих времён...
нетопырей застенчивые взгляды
сопровождают беглеца с итаки,
всё прочее — не более чем враки.
куда ж нам плыть? — не знаю, артемон.

впрямь подрасти, и вырасти, и выпасть
из той норы, — и враз заматереть:
иметь врагов во все сучки и щелки,
всех обстругать до пятого колена, —
свобода, брат! мы вышли из полена!
...но буратино должен умереть.

***

Птицы — всего лишь повод
Взгляд отвести от крыш.
Ветер в окне вагона,
Волосы на ветру.
Ты машинально куришь,
Смотришь в окно, молчишь,
Думаешь, что, наверно,
Я без тебя умру.
Станция. Два барака.
Сохнувшее бельё.
Тётки несут картошку,
Яблоки и цветы.
Дети, в пыли играя,
Имя кричат моё.
— Что это там за птицы?
— Гарпии, — скажешь ты.
И, как машинка «Зингер»,
Рельсы сшивая встык,
Штопают скорый поезд
Длинное полотно.
А позади красиво,
Ярко горят мосты —
Чтобы тебе не скучно
Было глядеть в окно.

ГЕНЗЕЛЬ (МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ)

— братец гензель, в горах холодной вечера,
но теплее сидеть у костра.
мы ведь были хорошими только вчера!
— это было напрасно, сестра.
посмотри, как петляет и вьётся тропа,
как петляет и вьётся она,
бесконечные строки сплетя в письмена,
торопя, торопя.
— ни к чему нашей матери лишние рты,
её руки навеки пусты,
даже камни, что исподволь складывал ты,
нас не смогут спасти.
— спотыкаясь, плелись, запинаясь, плелись,
чёрных галок пугались и сов,
а за нами бродячие тропки вились,
а над нами голодные птицы неслись,
и стучали их клювы, клюющие высь,
точно стрелки отцовских часов.
неужели забыты утраты, сестра?
возвращайся, очнуться пора.
— братец гензель, я знаю, бесплоден наш спор,
на твоей стороне небеса,
на моей стороне — только бархатных гор
непонятные голоса.
ты и сам бы, я знаю, их слушал, да горд.
ты и сам бы, я знаю... кончается год,
точно белая галька в мешке.
посмотри, моё сердце спускается с гор,
как дурак на чужом ишаке.